

ИЯ А. П. ЧЕХОВА

Воронежской

но она печаль- нашого дни, зволяют гину не- ний пи- оронеж,

у мороз- плело и А жизнь поблес- стрелок. маневро- е и при- ой, напо- ку, они и теря-

классов, », было электри- триной и татар- кого голо- одные овки бу- овались ядом, в нись га- оронеж- аполнен- ни «Гу- ого ко- ци насе- авшему списки о пере- ые еха- рдскую, ьбернии. в мест- тельной зиль из- я А. П. одошел

просам Л. Мэрчент. Он заявил, что Советский Союз «добился огромного престижа», проигнув первый в космос. «Поразительный характер советских достижений, — продолжал он, — несомненно оттеснил на второй план то, что было сделано Соединенными Штатами».

Заместитель государственного секретаря указал вместе с тем, что несмотря на достижения Советского

ведет свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда». Предки писателя — крепостные из Ольховатки — большой слободы, расположенной на реке того же названия при впадении ее в Калитву. Это село входило в Острогожский уезд и принадлежало графу Черткову.

Дед писателя Егор Михайлович, обучившись грамоте, работал приказчиком на местном сахарном заводе. Был женат на украинке из-под Кантемировки. Человек гордый и предприимчивый, он в 1843 году выкупил жену и трех сыновей, в том числе Павла Егоровича, будущего отца писателя. Вскоре он переехал на юг, в Таганрог, где имел мелкую лавочку. Тетка Антона Павловича — Александра Егоровна, которую граф «освободил» без денег, «в придачу», осталась на воронежской земле.

В начале 1892 года, когда Антон Павлович готовился к поездке в наши края, Александра Егоровна продолжала жить в селе Твердохлебово соседнего Богучарского уезда. Здесь же находилась могила деда писателя, умершего еще в 1879 году. Таким образом, Антона Павловича тянуло в Воронежскую губернию не только потому, что она пострадала от неурожая. Ему хотелось также побывать на родине своих предков.

...И вот Чехов стоит на перроне станции Воронеж. Ветер несет поземку, а писателю вспоминается люта я нижегородская метель. Тогда в пути чуть не сбился с дороги, и едва не занесло возок.

— Итак, Антон Павлович, мы с вами на земле предков, — говорит писателю встречающий его литератор.

Собеседники проходили мимо платформы для переселенцев, где

нужден заявить, что правительство США «признает советское превосходство» в освоении космического пространства и особенно в создании мощных ракет, необходимых для космических полетов. Мэрчент высказался в том смысле, что «преодолеть это превосходство» — дело нелегкое, несмотря на то, что «успех в этой области имеет важное значение» для внешней политики США.

теснились бабы с малыми ребятами, дремали мужики. Подслеповато горела лампочка. Висели облака пара. Стоял приглушенный говор, слышался плач детей.

Вот они, страшные «цветы» голода!

Минувя зал первого класса, А. П. Чехов сел на пролетку и отправился в Центральную гостиницу. На его приезд откликнулась только газета «Дон». Автор сообщения замечал: «Дадут ли приезжие гости что-нибудь новое, чего не знает общество!».

Но Чехов был настроен бодро. В тот же день, занимая пятый номер гостиницы, он сел за стол и написал сестре Марии Павловне открытку. В ней написал, что город хороший и что он собирается идти в театр, где идет «Медведь». Так началось короткое путешествие Антона Павловича в наши края.

«Благотворители»

Тяжелую зиму переживали коршевцы. Старики говаривали: «Беда беду накликает». Только успели оправиться от великого пожара, когда сгорело сто сорок с лишним дворов, пришли заразные болезни. Умирали больше всего дети — дифтерия унесла полтысячи младенцев, оспа — более двухсот ребят. Тогда монах-схимник подарил чудотворную икону. Поместили ее на видном месте в церкви и возлагали большие надежды — напасти будут обходить село. Так нет, в следующее лето сухойей слизал хлеба. Икона, которую носили в поле, и молебны не помогли. Теперь уже прямо заявляли: «Не беда, что воржи лебеда, а беда, когда ни ржи, ни лебеды».

В Коршеве А. П. Чехов узнал, что его сиятельство граф Анатолий

ногерманских городах наряду со зна- рия).

Владимирович Орлов-Давыдов оказал местным крестьянам помощь — выслал 200 пудов пшеницы. Да протоиерей из Боброва прислал 70 рублей. А что такое двести пудов графской пшеницы на восемь тысяч голодных душ — жителей села? Крохи!

...В Хреновое приехали утром. Настроение у Чехова было жизнерадостное, бодрое.

После дороги Антон Павлович осматривал завод. Управляющий Степан Павлович Иловайский хотел показать себя радушным хозяином. Он провел Чехова по конюшне, устроил выводку рысаков. Зашли в деревянный дом с колоннами, где размещалось училище наездников. Постояли на каменном мостике, перекинутом через пруд, заглянули в оранжерею.

Наконец, Степан Павлович привел гостя в большой зал особняка, который занимал сам. На солнце сверкала позолота мебели и картин изображавших лошадей.

В Хреновом Антон Павлович терпеливо переносил блины, улыбки молодой Иловайской и вежливо поддерживал пустые разговоры. Наконец, он затронул то, что больше всего его волновало: покупка лошадей у крестьян.

— Вы, назерное, слышали о затее воронежского губернатора Куровского? — спросил он у Степана Павловича, и тот кивнул головой. — Губернатор при себе лошадей не держит, а раздает их мужикам тотчас после покупки. Он выписывает из голодных уездов безлошадников и говорит им: «Вот тебе лошадь. Ты будешь возить хлеб». Безлошадник возит и, таким образом, зарабатывает на себя и на лошадь. Весной ему скажут: «Заработал ты столько-то, лошадь стоила в покупке столько-то. Значит, за тобой осталось столько-то...» Одним словом, лошадь дается в ссуду, и ссуда выплачивается мало по малу теперь. Как на это смотрите, Степан Павлович?

— Снажу прямо, ничего из затей Куровского не выйдет, — отрезал Иловайский. — Верьте мне, лошадиному знатоку, хотя я, откровенно говоря, мало люблю рысаков. Суть в том, что чем дешевле и раньше вы покупаете лошадь,

тем дороже обходится кормежка и, стало быть, она сама. Значит, как ни вертись, а ничего не поделаешь.

Горько было слышать эти слова Антону Павловичу — и тут его ждало разочарование. Причем от Иловайского он узнал, что в слободе из 300 домохозяев половина осталась без лошадей, так как за бесценок продала скот. А тут еще началась холерная эпидемия, уносящая сотни жизней.

На другой день с невеселыми мыслями Чехов уехал из Хренового. 9 февраля уже из Боброва он писал сестре: «Вчера весь день провели в казенном Хреновском заводе у управляющего Иловайского... Блины, разговоры, очаровательные улыбки и мадемуазель Иловайская, 18-летняя девица, очаровывающая нас своей оригинальностью и сценическим талантом. Затем чай, варенье, опять разговоры и, наконец, тройка с колоколами. Одним словом, с голодающими дела идут недурно, — иронически замечал писатель».

Уже после, живя в Мелехове, писатель спрашивал у знакомого о голодающих в Бобровском уезде: «Как столовые в Коршеве?.. Я с удовольствием вспоминаю о... поездке... В ней было много хорошего. Даже Бобровский клуб по воспоминаниям хорош».

Чехов замыслил написать статью о голодающей деревне, как признается он в одном из писем, принимался двадцать раз, но выходило так фальшиво, что всякий раз бросал. Лукавить он не умел, а говорить правду не мог. В конце концов Антон Павлович был вынужден признать, что поездка для дела оказалась бесполезной, однако дала «немало интересных впечатлений». Его наблюдения нашли отражение в творчестве. Яркое, правдиво писатель изобразил жизнь крестьян, их горести и беды.

Ю. КОРШ.

131